

Узкая дихотомия. Будущее за пределами «традиционного» и «модерного»

Дмитрий Давыдов

Д.А. Давыдов – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 23-18-00427 «Социальная консолидация российского общества: механизмы ценностно-институционального обеспечения».

DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-184-202

Обсуждения дальнейшего пути развития России в условиях геополитического противостояния Западу содержат набор резких переходов из крайности в крайность. Так, Россия как «страна-цивилизация»¹ имперского типа противопоставляется западным странам, которые зашли «слишком далеко» в процессе модернизации, утратили морально-ценностные основы, скатившись к дошедшей до абсурда пропаганде ЛГБТК+ идеологии и трансгендеризма². Единственным спасением видится апелляция к традиции и традиционным ценностям – прежде всего к православию, «народности», выстраиваемой вокруг государства, и семейным ценностям. Как пишут Дмитрий Моисеев, Максим Сигачёв, Алексей Харин и Сергей Артеев, «мы понимаем традиционные ценности как те, что направлены на сохранение, поддержку

¹ Энтина Е.Г. От «отменённой России» к стране-цивилизации // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 5. С. 98–108.

² Росфинмониторинг включил движение ЛГБТ в реестр экстремистских и террористических организаций.

и воспроизводство базовых основ общества (религии и культуры в целом, государства, семьи, общины и т.п.). Кроме того, они представляют альтернативу таким современным ценностям, как индивидуализм, радикальный рационализм, прогрессизм и т.п.»³.

Иными словами, конструируется ситуация «или-или»: или Модерн с его секуляризмом, индивидуализмом и прогрессизмом, что подразумевает разрушение моральных устоев общества, или возврат к традиции, подчас именно в *традиционалистском* смысле – как возврат к неким «сияющим вечным»⁴ истинам, извлекаемым из трансцендентного⁵. Отношение такого традиционализма к Модерну хорошо выражает Александр Дугин: «Я считаю эпоху Просвещения и универсализм вырождением, слабостью и ложью. <...> Изучать энциклопедистов это всё равно что садиться ужинать с идиотами. Мы находимся в этой тёмной иллюзии. Постмодернисты уже в значительной степени развенчали эпоху Просвещения внутри западноевропейской традиции. Они показали, насколько всё плохо с модерном. Другое дело, что постмодернисты не предлагают ничего, никаких выходов, они говорят: “ну давай сделаем ещё хуже, раз уж мы взяли неверный курс, нырнём совсем в ничто”. Но это значит – согласиться с модерном»⁶. Подобные, хотя и отличающиеся степенью радикализма, мнения часто высказываются исследователями и общественными деятелями, в том числе на страницах академических изданий. Например, Сергей Бабурин пишет о Западе: «Под влиянием секуляризма Просвещения, гуманизации морали и меркантилизма в образе жизни, убрав из центра духовно-нравственных координат Бога, отринув христианство с его библейскими заповедями, Запад поднял эгоизм человека до религиозного культа, уничтожая традиционные семейные и культурные

³ Моисеев Д.С., Сигачёв М.И., Харин А.Н., Артеев С.П. Концепция глобального консерватизма // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. No. 5. С. 113.

⁴ Крук А. Как вернуться в Золотой дом // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. No. 4. С. 163–171.

⁵ Sedgwick M. Traditionalism: The Radical Project for Restoring Sacred Order. L.: Pelican; N.Y.: Oxford University Press, 2023. 432 p.

⁶ Александр Дугин: «Общество модерна – машина эвтаназии» // Завтра.ру. 16.07.2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/aleksandr_dugin_obshestvo_moderna_mashina_evtanazii (дата обращения: 13.10.2024).

ценности, отрицая смысл раздельного существования мужчины и женщины»⁷.

Указанной дихотомии придерживаются не только явные сторонники традиционных ценностей, традиционализма и цивилизационной исключительности России. К примеру, Александр Филиппов противопоставляет концепты *Gemeinschaft* (традиционная «общность») и *Gesellschaft* («общество» Модерна), предостерегая об опасности *диктатуры ценностей*: если мы перестаём рассматривать общество и его институты как результат договора отдельных индивидов, возникают риски, что политика начнёт превращаться в арену столкновения групп, каждая из которых будет сообщать о своих ценностях и претендовать на их глобальную значимость, то есть на то, чтобы её, группы, требования были удовлетворены⁸.

Ситуация «отрицания Запада через отрицание Модерна» грозит обернуться чем-то вроде заикленности на прошлом, всё чаще подпитываемой умозрительными конструкциями вроде тех, что конструируют российские духовно-нравственные устои путём ссылок на русскую религиозную философию позапрошлого века⁹. Эти конструкции либо не имеют почти ничего общего с реальностью (поскольку, скажем, граждане России не так религиозны, как представляется, стремятся к богатству и потреблению, всё чаще разводятся, несмотря на формальную приверженность семейным ценностям, реже рожают детей и т.д.)¹⁰, либо обрекают Россию на историческую «вторичность», неспособность предложить миру универсальный проект будущего (на это, к слову, был способен

⁷ Бабурин С.Н. Россия между Римом и Цинь: о духовно-нравственной трансформации государств // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. No. 1. С. 63–64.

⁸ Филиппов А.Ф. Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. No. 1. С. 51–70.

⁹ См., например: Андреев А.П., Селиванов А.И. Западный индивидуализм и русская традиция // Философия и общество. 2001. No. 4. С. 98–126; Кот Ю.В. Русская идея и русский мир: философско-культурные параллели // Знание. Понимание. Умение. 2023. No. 1. С. 108–119.

¹⁰ См., например: Лю Ц., Абрамов А.П. Современные и традиционные семейные ценности межпоколенного взаимодействия в России и Китае // Социологические исследования. 2022. No. 2. С. 107–116; Попова О.В., Гришин Н.В. Политическая идентичность российской молодёжи в самооценках и оценках экспертов // Политическая наука. 2023. No. 2. С. 140–162; Клупт М.А. Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. No. 5. С. 36–46.

Советский Союз)¹¹. Консерватизм в итоге сводится преимущественно к отрицанию Запада, причём во многом «воображаемого», редуцируемого к совокупностям понятийных рядов вроде «индивидуализма», «неолиберального экспансионизма» и т.д. В иных случаях предлагается «притормозить»: если Модерн подразумевает постоянные изменения и если на Западе такая бурная изменчивость ведёт к чему-то странному (если не сказать «квирному») или морально неприемлемому, необходимо стать «консервативным балансиrom»¹².

В итоге отечественная политическая философия, вместо того чтобы отвечать на все наиболее актуальные вызовы сегодняшнего дня – скажем, на кризис неолиберальной капиталистической системы, – фокусируется преимущественно на культуре и ценностях. Экономическая ниша в «русской идее» оказывается практически незаполненной, так как предлагается лишь затенить реалии заимствованной у Запада капиталистической системы общими рассуждениями о благих намерениях патерналистского государства или об особенном, встроенном в «культурный код» российской цивилизации «механизме великодушия или всечеловечности»¹³. Зачастую всё, к чему сводятся такого рода дискурсы, – спекулирование на том, что мировая гегемония США постепенно уходит в прошлое (но что тогда предложить вместо неё?)¹⁴.

В целом конструирование российской идентичности путём апелляции к традиционным ценностям сталкивается с множеством сложностей. Так, оказывается, что подчёркиваемые сегодня российские консервативные ценности вроде патриотизма или ориентации на семью практически ничем не отличаются от таковых на Западе (в частности, в США, где республиканцы, добившиеся впечатляющего успеха на последних выборах, активно педалируют тему консервативного ответа на леволиберальные политические

¹¹ Фишман Л.Г. Обойдёмся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 52–67.

¹² Гирицкий А.А. О консервативном балансе и традиционных ценностях // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 64–75.

¹³ Рыбаков В.М. Культурная традиция и психология политики // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 138–156.

¹⁴ См., например: Ван В. Новая эра девестернизации // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 180–183.

повестки)¹⁵. В свою очередь, разработчики Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹⁶ столкнулись с необходимостью достижения компромиссов между традиционалистскими интенциями официального дискурса и не совсем традиционалистскими реалиями, представив, по сути, списки ценностей Модерна, то есть ценностей Запада, но «вчерашнего дня»¹⁷: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд» и т.д. Как отметил Георгий Борщевский, «преемственность имманентна сути традиционных ценностей, однако ценности из Основ слабо согласуются с положениями мировых религий. По содержанию этот документ ближе к Моральному кодексу строителя коммунизма – своду моральных принципов, входившему в Третью программу, и Уставу КПСС, принятым в 1961 г. <...> 92 процента пунктов Кодекса соответствуют ценностям из Основ»¹⁸. Учитывая, что эти ценности давно известны и во многом институционально реализованы, некоторые авторы даже отмечают, что речь идёт обо «всём хорошем против всего плохого»¹⁹.

Соответственно, возникает вопрос, не является ли сама дихотомия традиционное/модерное слишком узкой и неудобной, а то и вовсе неприменимой к сегодняшним спорам о путях России, её цивилизационных особенностях, скрытых или явных возможностях и преимуществах перед Западом? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем для начала уточнить, что конкретно представ-

¹⁵ Белькович Р.Ю. Кривое зеркало неоконсерватизма // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. No 2. С. 213–229.

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. 09.11.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 13.10.2024).

¹⁷ Фишман Л.Г. Указ. соч.

¹⁸ Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2023. No. 4. С. 83.

¹⁹ Stepanova E.A. Everything Good against Everything Bad: Traditional Values in the Search for New Russian National Idea // Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik. 2023. Vol. 7. P. 97–118.

ляется в качестве источника чего-то морально неприемлемого в современных западных реалиях.

ЕДИНЫЙ МОДЕРН?

Осмысление исторического развития с позиций терминологических пар традиционное/модерное или модернистское/постмодернистское уязвимо, поскольку определённые этапы исторического развития с их внутренними противоречиями, социальным, культурным, социально-классовым и т.д. многообразием характеризуются в «перпендикулярном» историческом срезе, когда вся социальная сложность сводится к ряду наиболее общих характеристик и особенностей. Сегодня некоторую совокупность возникших примерно в одно время (хотя и это спорно – см. далее) социальных, идейных, ценностных и прочих явлений ставят в один ряд, ассоциируют с одним феноменом – Модерном – и, соответственно, руководствуясь всё той же логикой «от противного», пытаются противопоставить российский «культурный код» данному обобщённому условному «цивилизационному контрагенту». Эти идейные, ценностные и т.д. явления, составляющие сущностное ядро Модерна, хорошо известны: рационализм и секуляризм, идея прогресса, стремление к целенаправленным социальным изменениям, идея автономной личности. Известно и то, что обычно является причиной отрицательного или как минимум настороженного отношения к Модерну. Например, тенденцию к секуляризации и постоянные социальные изменения можно рассматривать как то, что разрушает веру в скрепляющие русскую нацию религии. Идея автономной личности, как правило, ассоциируется с либерализмом, используемым внешними агентами для политической дестабилизации России. Согласно Владимиру Путину, на Западе властью обладают неокOLONиальные космополитические элиты, которые «целенаправленно разрушают ценности своих же народов»; «разрушение семьи, культурной и национальной идентичности, извращения, издевательство над детьми вплоть до педофилии объявляются нормой, нормой их жизни»²⁰. В целом Модерн нередко отождествляется с зашедшим слишком далеко индивидуализмом,

²⁰ Послание Президента Федеральному Собранию. 2023. // Президент России. 21.02.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 13.10.2024).

который стал, по сути, разрушительным для любых моральных устоев. Он делает из человека материалиста и потребителя, поклоняющегося не Богу, а брендам. Идея прогресса сегодня на Западе связана не столько с покорением космоса и прочими научно-техническими успехами, сколько с «культурой отмены», идеологией ЛГБТК+, постоянным расширением гражданских свобод вплоть до позволения детям менять «гендер», осуществляя необратимые вмешательства в свой организм (например, приём блокаторов полового созревания)²¹.

Иными словами, Модерн – единый феномен, возникший в одно время, нацеленный на одного и того же врага (традиционные устои). Соответственно, в отечественной научной и публицистической литературе можно встретить тезисы или выводы обобщающего характера. Как пишет Екатерина Энтина, современность предполагает «отсутствие заданного статус-кво, постоянное изменение не только среды, но и человека с его врождёнными и приобретёнными статусами. Как ни странно, такие разные социальные явления, как “образование в течение всей жизни” (то есть возможность не только совершенствовать свои навыки, но и кардинально их менять) и “выбор гендера”, имеют общие корни. Оба они связаны с осознанием того, что любой статус отчуждаем – по своей воле или принудительно»²².

Но уже здесь случаются концептуальные диссонансы. Так, вряд ли кто-то сегодня в нашей стране, кроме чистых традиционалистов, выступает против идеи научно-технического прогресса или необходимости научного познания для решения насущных военно-технических и прочих задач. Как мы заметили выше, есть некоторая непоследовательность официального дискурса относительно дихотомии традиционное/модерное. Стремление сохранить «традиционность» при одновременном желании идти в ногу со временем или принятие того, что уже вряд ли можно обратить вспять, порождает идейную эклектику. В этом проглядывает отсутствие понимания сути вещей, о которых идёт речь, или проявление нерешительности. Согласно более правдоподобной гипотезе, попро-

²¹ Grossman M. *Lost in Trans Nation: A Child Psychiatrist's Guide Out of the Madness*. N.Y.: Skyhorse Publishing, 2023. 360 p.

²² Энтина Е.Г. Указ. соч.

сту не вполне верна концептуальная система координат, слишком сильно «сгущающая» наблюдаемые феномены, привязывающая их жёстко либо к традиции, либо к Модерну, что в итоге оборачивается своеобразной «скудостью альтернатив». На подсознательном уровне все понимают, что одной только традицией не обойтись, но где найти нужную альтернативу – неизвестно.

Эта альтернатива не обязательно заключается в отрицании Модерна, ведь и сам Модерн – категория слишком широкая, если не сказать грубая. Напротив, корень того, что сегодня российскими властями рассматривается в качестве морального зла, лежит в более «узком» феномене индивидуализма. Хотя считается, что индивидуализм как широкое общественное явление возник в эпоху Просвещения, есть основания считать его *трансгисторическим* явлением (то есть не ограничивающимся только Современностью), для которого другие ассоциируемые со словом «Модерн» феномены – например, ориентация на научную рациональность, научно-технический прогресс – были и остаются как катализаторами, так и препятствиями²³.

Как пишет известный журналист Уилл Сторр, индивидуализм «изобретён» ещё в Древней Греции: «Греки почитали таланты выдающихся людей превыше всего. Величественные статуи изображали идеальные мужские и женские тела. Мужчины соревновались в метании копий, гонках на колесницах и прыжках через быка. Высоко

²³ Элементы индивидуализма можно найти даже в идеологии традиционализма. Как показывает известный исследователь традиционализма Роберт Сэджвик, классики традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола и др.) приветствовали идею самореализации, то есть индивидуального поиска доступа к вечным, трансцендентным истинам. «Один из подходов, – пишет Сэджвик, – заключался в том, чтобы начать с определения и стабилизации собственной “внутренней формы”, тем самым дав себе прочную основу, а затем установить “прямую и абсолютную связь между... тем, кто ты есть... и трансцендентностью”. Найти свою собственную внутреннюю форму “в эпоху распада” было непросто. Это можно было сделать “через эксперимент... поиск или принятие тех ситуаций или альтернатив, в которых преобладающая сила, собственная “истинная природа”, вынуждена проявляться и давать о себе знать» (см.: Sedgwick M. Op. cit. P. 165). «Самопреодоление» и «самотворение» поэтому происходило через то, что было почти версией экзистенциализма, философии, утверждающей, что существование предшествует сущности, что наш выбор определяет нашу сущность. Сегодня идея заключённых в традициях «вечных принципах» также нередко приводит тех или иных критиков леволиберальных повесток к антиэгалитаристскому выводу о персональной ответственности каждого за свою судьбу. Например, такова позиция известного критика левых Джордана Питерсона, которого Сэджвик относит к «попутчикам» традиционализма (Ibid. P. 173–177).

ценилось умение вести спор: спорить могли начать везде – и на рынке, и в армии. Граждане в поте лица соревновались друг с другом и завидовали чужим успехам: “Гончар не терпит гончара, плотник не терпит плотника, нищий завидует нищему, а поэт – другому поэту”, – писал Гесиод. Каждый желал быть на месте победителя, причём не обязательно из-за наград или денег – больше всего им хотелось известности и славы. Для победителя было неслыханным делом не получить всеобщих почестей, а лишиться уважения общества считалось “величайшей из людских трагедий”²⁴. Понятно, что это был весьма специфический индивидуализм, отличающийся от индивидуализма современных *homo economicus*. Возможно, исторические вариации и проявления индивидуализма выглядят как точки на своего рода спектре, где ноль – чистый коллективизм, а максимальное значение – чистый индивидуализм. История западных стран – прерывистое, но последовательное движение именно к «чистому» индивидуализму: через Ренессанс и Реформацию к современной гендерной идеологии.

Движение существенно ускорилось в эпоху Просвещения. Тогда же и стало активно распространяться представление, что отдельные личности – целые вселенные, что «Я» находится в центре мироздания. Как отмечает историк и теолог Карл Трумэн, Жан-Жак Руссо делал акцент на аутентичности самости, на изначальной доброте, чуткости и рациональности людей, находящихся в естественном состоянии. В цивилизации Руссо видел несчастье как результат развращающей силы общества, разжигающей *amour-propre*, которое мешало людям быть верными себе, заставляя их участвовать в искусственных условностях и лицемерии. Впоследствии мысль, что изначальное «Я» постоянно притесняется и искажается обществом, будет развита Карлом Марксом²⁵ и Зигмундом Фрейдом. Соответственно, общественные устои всё чаще рассматривались как вместилище сил угнетения и эксплуатации: от клас-

²⁴ Стопп У. Селфи. Почему мы заиклены на себе и как это на нас влияет / Пер. с англ. М.А. Леоновича. М.: Individuum, 2021. С. 75.

²⁵ Трумэн здесь, по всей видимости, опирается на «раннего» Маркса эпохи «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», поэтому стоит учитывать специфичность данной интерпретации, отсылающей к «гуманистическому» пониманию философии классика (см.: Кондрашов П.Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2019. 216 с.).

сического марксизма до современных «новых левых» с их «новой этикой». Как пишет Трумэн, «если я тот, кем себя считаю, и если моё внутреннее чувство психологического благополучия является моим единственным моральным императивом, то навязывание внешних, предшествующих или статических категорий есть не что иное, как акт империализма, попытка ограничить мою свободу или сделать меня неискренним. Ницше видел это в XIX веке. В то же время Карл Маркс и Чарльз Дарвин также лишали природу её метафизического авторитета. В этом контексте трансгендеризм – всего лишь последняя итерация самотворения, которая становится необходимой после отказа от идеи Сотворения»²⁶.

Хотя появление стремящейся к максимальному самовыражению *экспрессивной личности*²⁷ можно привязать к Просвещению и, соответственно, Модерну, есть повод усложнить картину. Научная и промышленные революции ускорили рост индивидуализма, так как способствовали повышению уровня жизни и разрушению прежних социальных иерархий, зависящих от «статичных» систем верований: человек всё чаще ощущал, что этот мир – не сопровождаемое болью и страданиями «испытание для души», а полное возможностей пространство для реализации индивидуальных планов и жизненных устремлений. Однако между Модерном как процессом «автономизации» личностей и Модерном как процессом ускорения научно-технического прогресса и стремления человека к рациональному (апеллирующему к идеям свободы, равенства, братства и т.п.) обустройству общественных институтов всегда существовала напряжённость. Например, Чарльз Тейлор замечает, что мы обычно интерпретируем Модерн как процесс вытеснения традиционных иерархий, рост индивидуализма за счёт общества. Но по мере дальнейшего развития «идея порядка вновь находит отражение в философской антропологии, где люди определяются как социальные существа, неспособные к самостоятельному нравственному бытию. Примеры этого мы встречаем у Руссо, Гегеля и Маркса, много последователей этой идеи и в наши дни». Есть ос-

²⁶ Trueman C.R. Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution. Wheaton, IL: Crossway, 2020. P. 274.

²⁷ См.: Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of Modern Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 624 p.

нования считать это тоже «редакцией» Модерна, «поскольку ключевым элементом их постулата “хорошо организованного общества” выступают отношения взаимного служения между равными людьми. Это служение является целью даже для тех, кто думает, что буржуазный индивидуум – фикция и что данная цель может быть достигнута только в коммунистическом обществе»²⁸. Иными словами, «действующая в обществе этика должна быть определена как в терминологии свободы воли, так и в терминологии требований идеального порядка»²⁹.

Стало быть, индивидуализм всегда был скрытой или явной угрозой для наиболее значимых политических проектов Модерна. Поэтому до сих пор индивидуализм так или иначе ставился в рамки: от пережитков протестантской этики и семейных ценностей до институтов государства всеобщего благосостояния. То, что наблюдается в ряде западных стран сегодня – это, скорее, выход ситуации из-под контроля, когда «экспрессивные личности» уничтожают вообще любые имеющие социальную природу барьеры на своём пути. Среди этих «барьеров» отнюдь не только традиционные ценности, но и весомая доля того, что изначально составляло идейное и ценностное ядро Модерна.

Короче говоря, сегодняшние леволиберальные политические повестки в западных странах совсем не обязательно относятся к Модерну. Они, очевидно, являются наследием идеи Руссо о «непорочной самости». Как верно заметил Карл Трумэн, если сегодня малолетний ребёнок заявляет, что он «родился не в том теле» и должен иметь возможность сменить «гендер», это признаётся как истина в последней инстанции³⁰. Если же ему в этом отказывают, следуют выводы о навязываемых обществом гендерных стереотипах, угнетении и пр. Подобного рода идеологии меньшинств зашли в своих «эмансипационных» устремлениях настолько далеко, что отрицается уже сама объективная реальность и, стало быть, данные естественных наук (по типу того, как решающее значение наличия ХУ хромосом отрицалось при допуске интерсексуальных

²⁸ Тейлор Ч. Современный моральный порядок // Антиномии. 2022. Т. 22. No. 3. С. 39.

²⁹ Там же. С. 40.

³⁰ См.: Trueman C.R. Op. cit.

боксёров к женским соревнованиям³¹ на Олимпиаде-2024)³². Здесь пересекается постмодернистское отрицание научной рациональности с неомарксистским взглядом на общество как пронизанное силами угнетения и эксплуатации.

Постмодернизм, изначально отстранённый и критически настроенный по отношению к любым метанарративам, сам стал «прикладным» метанарративом, используемым для навязывания политических повесток ЛГБТК+, радикального феминизма и тому подобного всему обществу³³. Биологический пол многими не рассматривается как однозначно, безальтернативно определяющий гендер, так как это ограничивает свободу выбора личности, желающей максимальной «автономии». Социальные науки также более не нацелены на объективное знание. Гуманитарные факультеты в США политизируются, становятся трибунами для политического активизма и леволиберальной пропаганды³⁴. Идея прогресса также всё чаще ассоциируется исключительно с политическим прогрессизмом, когда политических лидеров интересует не столько мечта человечества о покорении космоса, сколько то, должны ли мужчины, считающие себя женщинами, иметь доступ к женским туалетам, или, скажем, могут ли мужчины кормить грудью.

Экспрессивные личности становятся максимально чувствительными к разного рода обидам³⁵, поэтому публичная сфера превращается в совокупность культурных войн, когда почти любое действие можно расценить как т.н. микроагрессию. Как отмечает одна из ведущих сторонниц концепта микроагрессии Реджина Рини, «действие становится микроагрессией в силу самого субъективного опыта жертвы – ощущения, что вы, вероятно, но не точно,

³¹ IBA Clarifies the Facts: The Letter to the IOC Regarding Two Ineligible Boxers Was Sent and Acknowledged // IBA News. 05.08.2024. URL: <https://www.iba.sport/news/iba-clarifies-the-facts-the-letter-to-the-ioc-regarding-two-ineligible-boxers-was-sent-and-acknowledged/> (дата обращения: 13.10.2024).

³² См.: Grossman M. Op. cit.

³³ См.: Плакроуз Х., Линдси Дж. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / Пер. с англ. Д. Виноградова. М.: Individuum, 2022. 384 с.

³⁴ Campbell B. How to Think Better About Social Justice: Why Good Sociology Matters. N.Y.: Routledge, 2024. 122 p.

³⁵ Campbell B., Manning J. The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018. 278 p.

подверглись скрытому притеснению»³⁶. То есть просто «неточное» мнение «угнетённых» становится источником принимаемых на веру истин, его уже нельзя отрицать, так как больше нет объективно измеримых и всем понятных критериев угнетения. Предельный субъективизм и всеохватное стремление к «освобождению» от угнетения в итоге делает непредставимым какой-либо нормативный консенсус³⁷. Автономная личность окончательно уничтожает все препятствия на своём пути. От Модерна не остаётся ничего, кроме капризов «экспрессивных личностей».

ВЫХОДЯ ЗА РАМКИ ДИХОТОМИИ ТРАДИЦИИ/МОДЕРНА

Но какова альтернатива? Модерн, породивший автономную и экспрессивную личность, рано или поздно приходит к самоотрицанию через постмодерн и прочие способы преодоления всех препятствий на пути к максимальной личностной «автономии». Раз так, разве мы не приходим вновь к традиции как единственному незыблемому источнику морально-нравственных ценностей? На наш взгляд, не стоит так сгущать краски. Как мы показали, индивидуализм не был «изобретён» Модерном. Более того, согласимся с тезисом Чарльза Тейлора (см. выше), согласно которому Модерн постоянно оказывает противодействие индивидуалистическим тенденциям, зашедшим слишком далеко и являющимся опасными для самой сути модерности. И тогда противодействие, контрход как раз оказывается «охранением» Модерна – одновременно и консервативным (как охранение), и революционным (поскольку Модерн предполагает непрерывное видоизменение).

Отчасти согласимся с тезисом Бориса Капустина, согласно которому силе негации (или силе негативного) в Модерне всегда противостоят т.н. *авторитеты*, среди которых могут быть и традиции, и что-то другое. Сам Капустин приводит в качестве примеров власть экспертов (экспертократию), фашизм (оставляющий позитивность Модерна в виде науки, техники, урбанизма и т.д., но подавляющий его негативность в виде «высшего права субъ-

³⁶ Рини Р. Этика микроагрессии / Пер. с англ. А.Ф. Васильева. М.: Издательство Института Гайдара, 2024. С. 83.

³⁷ Mounk Y. The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time. N.Y.: Penguin Press, 2023. 416 p.

екта»), либерализм (который служит «цементированию» только лишь капиталистической формы негации). Однако уязвимость позиции Капустина, на наш взгляд, заключается в том, что в качестве сущностной черты Модерна он видит лишь негацию. Это приводит его к констатации чего-то вроде «конца истории» (он не хочет оставлять читателя без надежд на «борьбу за альтернативы», но не предлагает конкретных альтернатив): капитализм «осваивает» силу негации так, что «перманентная капиталистическая революция и «присущая ей негативность служит стабилизации капиталистической системы, то есть укрощает силу негативности современности»³⁸. Иными словами, Борис Капустин считает абсолютной силу капитализма превращать всё в абстракции, то есть, по его мнению, «капитал не обитает нигде, и любое его чувственное воплощение есть не более чем одна из бесчисленных личин, которые он принимает в своём бесконечном движении и своих непрекращающихся метаморфозах»³⁹.

Однако отождествление Модерна с негацией само по себе, на наш взгляд, является крайне «абстрагирующим» и приводящим к тем или иным парадоксам. Является ли отрицание негации – негацией? Могут ли люди всего мира рано или поздно сойтись во мнении, что постоянная негация, отрицание «зарекомендованных временем» ценностей, нигилизм и борьба лишь за «высшее право субъекта» – есть то, чего «хочет» от нас капитализм, так как многообразие потребностей различных социальных «монад» – это многообразие способов удовлетворения их желаний и соответствующих коммодификаций? Если в силу ускоряющихся процессов индивидуализации от Модерна не остаётся ничего, кроме капризов «экспрессивных личностей», не стоит ли усомниться в том, что главная сила Модерна – именно негация? Разве не может на эту роль претендовать, скажем, идея рациональности и стремление к разумному преобразованию общества во имя высоких идеалов? Но в таком случае негация теряет свою главенствующую роль и уступает это место *рациональной позитивности*.

³⁸ Капустин Б.Г. Обуздание негативного. Критика современности. Ереван: Fortis Press, 2024. С. 128.

³⁹ Там же. С. 171.

На наш взгляд, уйти от подобных противоречий можно, если отойти от абсолютизации каких-то отдельных «сущностных» черт Модерна, приняв сложность и многосоставность (многоаспектность, многосторонность и т.д.) Модерна как *исторического явления*. Уже наблюдается своего рода «критическая рефлексия», переосмысление гипертрофированного индивидуализма и нигилизма, вступивших в противоречие с идеей общественного единства, а также с рационалистическим ядром Модерна. Так, уже мало кого удивляет некоторая смена ролей. По сути, на Западе всё чаще именно правые и консерваторы, а также исследователи, явно симпатизирующие консервативной стороне идеологического спектра, выступают за идею индивидуализма, но индивидуализма «прошлых версий», подразумевающего *рациональность, сдержанность, трудолюбие, индивидуальную ответственность, свободу слова, рыночную экономику* и т.д.⁴⁰ Именно такие авторы всё активнее критикуют крайний субъективизм и иррациональность современных «проснувшихся» повесток, включая гендерные идеологии, и при этом часто апеллируют к данным естественных наук⁴¹. Традиционное сближается с рационально обоснованным. Например, приверженность семейным ценностям рассматривается как важный фактор экономического благополучия, подчёркивается, что их размывание связано с ростом социально-экономического неравенства⁴².

Однако правая форма «обуздания негативного» (по факту – обуздания индивидуализма) не является единственной. К примеру, в свете кризисных тенденций неолиберального капитализма чаще говорят о *коммунизме/социализме*⁴³, его переосмысливают в контексте

⁴⁰ См.: Давыдов Д.А. Когда правые левее левых. Аномалии левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма // Антиномии. 2023. Т. 23. No. 1. С. 51–89.

⁴¹ См., например: Sowell T. Social Justice Fallacies. N.Y.: Basic Books, 2023. 224 p.; Goldblatt M. I Feel, Therefore I Am: The Triumph of Woke Subjectivism. N.Y.: Bombardier Books, 2023. 192 p.; Soh D. The End of Gender: Debunking the Myths about Sex and Identity in Our Society. N.Y.: Threshold Editions, 2020. 336 p.

⁴² См.: Kearney M.S. The Two-Parent Privilege: How Americans Stopped Getting Married and Started Falling Behind. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2023. 240 p.; Wilcox B. Get Married: Why Americans Must Defy the Elites, Forge Strong Families, and Save Civilization. N.Y.: Broadside Books, 2024. 320 p.

⁴³ См., например: Robinson N.J. Why You Should Be a Socialist. N.Y.: All Points Books, 2019. 336 p.; Paxton S. How Capitalism Ends: History, Ideology and Progress. L.: Zero Books, 2022. 248 p.

новых технологических возможностей (от роботизации и автоматизации производства до *big data* и платформенных технологий обратной связи)⁴⁴. Примечательно, что коммунизм долго ассоциировался *прежде всего* с идеей равенства и братства. Советские фантастические утопии вроде «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова и «Мира Полудня» братьев Аркадия и Бориса Стругацких населены героями, дружно покоряющими «царство необходимости», *сплочённо* осваивающими космическое пространство. Правда, идее коммунизма исторически свойственна определённая двойственность, заключающаяся в борьбе за свободу и гуманистические ценности вкупе с попытками достичь состояния максимального общественного единства. Эта двойственность, как убедительно показал Леонид Фишман, стала роковой для Советского Союза, который слишком сильно склонился к своей гуманистической стороне, то есть воспитал сильных и независимых, «автономных» личностей, решивших порвать с высокими идеалами коммунизма⁴⁵. Ни Маркс, ни его последователи так и не провели чётких разделительных линий, не нашли «золотой середины» между движением к эмансипации и движением к коммунитарности и братству.

Изначально, правда, предполагалось, что рабочий класс несёт зерно солидарности, которое затем ляжет в основу коммунистического общества. Но постепенно выяснилось, что рабочий класс может быть не менее разобщённым, чем общество как таковое, он *подвержен* силам индивидуализации и атомизации. Когда добавились неомарксистские и постмарксистские дискурсы о «культурном угнетении», оказалось, что многочисленные левые течения в своём стремлении к эмансипации фактически подпитывают разобщённость и индивидуализм. Так, забыв о классовой борьбе, марксисты боролись за максимальное расширение гражданских свобод, которые вступали в противоречие друг с другом⁴⁶. Теперь, как справедливо отмечает Кристофер Руфо, марксизм стал одной

⁴⁴ См., например: Морозов Е. Цифровой социализм? Дискуссия об экономическом расчёте в эпоху больших данных. В кн.: В. Атанасов (Ред.), Цифровой капитализм и утопии Интернета. Киев: ЦСТД; ТОВ «Видавничий Будинок “Аванпост-Прим”», 2020. С. 66–124.

⁴⁵ Фишман Л.Г. Эпоха добродетелей. После советской морали. М.: Неприкосновенный запас, 2022. 232 с.

⁴⁶ См.: Мюррей Д. Безумие толпы. Как мир сошёл с ума от толерантности и попыток угодить всем / Пер. с англ. Н.А. Ломтевой. М.: Рипол Классик, 2021. 480 с.

из концептуальных подпиток идеологии воукизма («пробуждения»), согласно которой в современном обществе угнетение повсеместно⁴⁷. В сущности, западный марксизм, всегда делавший упор на гуманистические идеи Маркса, изложенные в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», способствовал фрагментации общества. Если раньше отчуждение было связано исключительно с экономической эксплуатацией, то сегодня оно при желании находится везде, так как всё, что не нравится представителям «угнетаемых» групп (даже если это просто хмурый взгляд), путём интерпретации может расцениваться как акт «бессознательной» агрессии⁴⁸. Борьба за свободу стала борьбой за привилегии.

Даже в вопросах сугубо экономического характера западные левые склоняются к индивидуалистической логике: например, когда они критикуют «общество труда» и выступают за максимизацию свободного времени и выплаты всем гражданам безусловного базового дохода⁴⁹. Это, на наш взгляд, выглядит как апология лени и безответственности в то время, когда мир полон страданий, боли, когда очень многие нуждаются в заботе со стороны государства и общественных служб, испытывающих дефицит средств и кадров. Иными словами, левые действуют в индивидуалистической, если не сказать потребительской, логике. Они отходят от этики трудовой самоотверженности во имя общего блага, когда-то лежавшей в основе марксистских дискурсов, и акцентируют внимание на расширении возможностей индивидуального выбора, так как предполагаемыми «бесплатными» деньгами индивиды будут распоряжаться самостоятельно⁵⁰.

Вряд ли в данной связи стоит сводить всё многообразие марксизма лишь к набору некоторых его западных вариаций. В концептуальном «ядре» марксизма, заложенном классиками, имеются компоненты, нацеленные на *солидарность* и *братство*⁵¹. Именно поэтому многие

⁴⁷ Rufo C.F. America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything. N.Y.: Broadside Books, 2023. 352 p.

⁴⁸ См.: Рини Р. Указ. соч. С. 80–81.

⁴⁹ См., например: Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. Н. Охотина. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.

⁵⁰ Давыдов Д.А. Посттрудовая (анти)утопия? Критический взгляд на концепцию посткапитализма Ника Срничека и Алекса Уильямса // Свободная мысль. 2020. No. 2. С. 5–24.

⁵¹ Хоннет А. Идея социализма. Попытка актуализации / Пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Директмедиа Паблишинг, 2022. 160 с.

марксисты переосмысливают политику идентичности и «культурные войны», стремясь вернуться к *универсализму классовой борьбы*. Преодоление классовой эксплуатации было универсалистской целью, так как пролетарии, как считалось, перестанут быть ими в коммунистическом обществе, станут прежде всего *людьми*. Это сильно отличается от современной политики идентичности, когда различия не преодолеваются, а цементируются⁵². Поэтому борьба с классовой эксплуатацией не противоречит стремлению к общему жизненному миру, к солидарности и братству. *Таким образом, марксизм, как и сам Модерн, распался на то, что способствует дальнейшей индивидуализации и атомизации, и на то, что этому сопротивляется.*

Идея коммунизма может быть радикально переосмыслена. Западный «культурный» марксизм, по сути, стал идейной основой политики идентичности. Об этом говорят постоянные попытки «синтезировать» марксизм и многочисленные леволиберальные концепции интерсекциональности⁵³. Соответственно, переосмысление коммунизма в сегодняшних условиях может подразумевать движение в противоположном направлении относительно «левого» мейнстрима – как *противодействие культурной центробежности*, поиски общих культурных оснований для диалога, для общенациональных, а затем и *общечеловеческой идентичностей*. Их можно находить *не только* в объединении всех эксплуатируемых против капиталистической системы и во имя равенства и братства. Культурный фактор становится даже более значимым, чем сугубо экономический. Традиционные ценности⁵⁴ могли бы

⁵² См., например: Léger M.J. The Use and Abuse of Class Reductionism for the Left. In: M.J. Léger (Ed.), *Identity Trumps Socialism: The Class and Identity Debate after Neoliberalism*. N.Y.: Routledge, 2023. P. 177–194.

⁵³ Bohrer A.J. *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript Publishing, 2019. 280 p.

⁵⁴ При этом, разумеется, понимаемые не как «вечные», а как постоянно переизобретаемые, но при этом ориентированные на преемственность, на единство культурного пространства. В этом смысле примечателен пример Китая, где сейчас очень часто говорят о китаизации марксизма (в т.ч. сочетание марксистской философской эпистемологии и древнекитайского взгляда на знание и действие, что подразумевает синтез марксистского «модерна» с китайской «традиционностью»). В частности, марксизм синтезируется с конфуцианством. Как отмечает Чжан Яньцю, конфуцианская идея «превознесения гармонии» имеет значение в воспитании коллективного сознания людей и устранении пороков индивидуализма в современном обществе» (см.: Чжан Я. Китаизация марксизма и конфуцианство в современном Китае // *Философия истории философии*. 2022. Т. 3. С. 350).

быть основой для дальнейшего движения в сторону более глубокого общественного единства. Традиционное включает в себя не только пережитки, но также и накопленный опыт как языковой и культурный фундамент для взаимопонимания.

Коммунизм не может питаться исключительно прошлым. Диалог, общее культурное пространство, стремление к любви, доверию, братству – всё это не противоречит идеям прогресса или расширения участия в политическом управлении. Напротив, людям, по всей видимости, не хватает требующих коллективной реализации масштабных, даже грандиозных целей, которые отвлекли бы их от заикленности на сексе и гендере. Однако реалии свидетельствуют, что мобилизация на мегапроект в советском духе всех людей доброй воли уже вряд ли является достаточным условием единства. Одной из ключевых черт коммунизма как «действительного движения» может быть сопротивление культурной энтропии, постоянная работа над выстраиванием интерсубъективности. Тогда коммунизм становится положительным, универсалистским и не-исключающим. Это подразумевает другую расстановку акцентов: движение *не против* угнетения⁵⁵, а за равные возможности; *не против* «культурного присвоения», а за культурное сближение, взаимодополнение и взаимопонимание; *не против* микроагрессии и тому подобного, а за смирение, стойкость и самоотверженность; *не против* сексизма, расизма и т.д., а за общечеловеческие ценности и за любовь как прощение, понимание и единение.

Так или иначе, противопоставление традиции Модерну вряд ли является наиболее продуктивным способом достичь общественного единства. Возможно, проблема вообще не в Модерне, а в индивидуализме, который всегда так или иначе сдерживался в угоду общественному целому. Традиция, с другой стороны, это не набор неизменных, доносящихся из глубины веков истин. Это то, что лежит в основе общечеловеческого жизненного мира, то, без чего непредставимо культурное единство. Рассмотренная выше идея радикального переосмысления коммунизма – один из возможных способов попытаться выйти за узкие рамки таких категорий, как «традиционное» и «модерное».

⁵⁵ Борьба против угнетения ведёт лишь к тому, что общество постоянно делится на «угнетателей» и «угнетаемых», причём такую борьбу становится всё сложнее отличить от борьбы за привилегии.